

Секреты
женского счастья

П Р О З А

Веры Колочковой

В Е Р А
Калачкава

Умягчение
ЗЛЫХ
сердец

Р О М А Н

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии

А. Дурасова

Редактор серии

В. Горюнова

Колочкова, Вера.

К61 Умягчение злых сердец : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-172286-9

После гибели мамы маленькая Тая осталась круглой сиротой. Опеку над семилетней девочкой сумел оформить мамин сожитель, бизнесмен Филипп Рогов. Долгие годы никто, кроме Таи, самого Рогова и его сестры Руфины, не знал оборотной стороны этого страшного «опекунства»... И даже когда Рогов решил жениться на своей повзрослевшей жертве, она не в силах была освободиться... и втайне надеялась, что, может, все-таки кто-то ее спасет. Может, это будет чья-то любовь — настоящая и искренняя, — любовь, которая не гордится, не бесчинствует, не ищет своего и не мыслит зла?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колочкова В., 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-172286-9

Лолита, свет моей жизни, огонь
моих чресел. Грех мой, душа моя.
Ло-ли-та: кончик языка совершает
путь в три шажка вниз по нёбу, что-
бы на третьем толкнуться о зубы. Ло.
Ли. Та.

Владимир Набоков «Лолита»

...И тебе самой оружие пройдет
душу, — да откроются помышления
многих сердец.

*Пророчество святого
Симеона Богоприимца*

ЧАСТЬ I

Утреннее солнце не было назойливым, но явно готовилось к подлости, обещая нестерпимый полуденный зной. Глядело на землю, расслабляясь улыбочиво — не время еще, не время, отдыхайте пока, люди-человеки... Наслаждайтесь пением птиц, ветерком и ультрафиолетом, страшно полезным об эту пору. А ближе к обеду — ужо я вас. Кто не спрятался, я не виновато.

Люди наслаждались, как умели. Всяк по-разному наслаждался. А кто и вообще не замечал ни пения птиц, ни ветерка, ни уж тем более ультрафиолета, страшно полезного об эту пору. Буднее выдалось утро, для большинства людей торопливо бестолковое, озабоченное добыванием хлеба насущного. А что делать, если отсутствие хлеба насущного — еще большая подлость, чем грядущий нестерпимый полуденный зной?

Но были и такие, кто и впрямь наслаждался по всем гедонистическим установкам, то есть обстоятельно и со вкусом, неторопливо усваивая

ВЕРА КОЛОЧКОВА

халявно полезный ультрафиолет. Вот эта парочка, например, с комфортом расположившаяся у бассейна в шезлонгах. Странная на вид парочка — мужчина хоть и вальяжный, но явно в летах, а девушка совсем юная... Почти дитя. Невысокого роста, белокожая и белобрысенькая, и такая тоненькая, что можно насквозь проткнуть ударом солнечного луча. Олицетворение нежности, а не девушка. Таких девушек или на руках носят, или уничтожают в ярости, потому что у них, у земных мужчин, ярость и нежность, бывает, сочетаются странным образом...

Но неужели эти ловцы утреннего комфорта — отец с дочерью? Вроде не похож этот вальяжный на отца. Потому что настоящие отцы на дочерей так не смотрят. Надо же, какой странный взгляд — похлеще полуденного зноя. То ли страданием полон, то ли счастьем до ужаса нестерпимым... Если еще страдания поддать, и впрямь до ярости дело дойдет. А впрочем, не пристало светилу вглядываться в отдельные человеческие лица. Лиц много, а светило — одно. Кто бы вы ни были — вообще без разницы. Так, если позволить себе пару минут праздного солнечного любопытства... Послушать, о чем они говорят...

Ага. И голосок у девушки тоже нежный, вон как прозвенел колокольцем в сторону вальяжного:

Умягчение злых сердец

— Фил... Можно, я в бассейне поплаваю?

— Конечно, Таечка... Зачем спрашиваешь? Отныне ты здесь хозяйка, делай что хочешь.

— Извини, я не успела привыкнуть... Разве можно за два дня привыкнуть?

— Да, конечно, я понимаю, милая. Сразу привыкнуть трудно. Тем более у тебя стресс после школьных выпускных экзаменов еще не закончился. Трудно выйти из одной реки и сразу войти в другую, а у тебя так и получилось — от школьной парты сразу в замужество прыгнула. А я тебя поймал...

— Да, поймал... — эхом-колокольцем откликнулась Тая, выбираясь из шезлонга. — Пойду искупаюсь...

— Иди, милая, иди. Возвращайся быстрее, я буду скучать.

Мужчина поморщился, услышав нотки смешливого подбострастия в своем голосе. Хоть и смешливое оно, а все равно похоже на козлиный трепет. Надо бы научиться придерживать в себе подбострастие. И сердце придерживать, чтобы не бухало счастьем до одурения. Но как, как его придержишь? Все равно бухает, зараза, и ничего с ним не сделаешь!

Ах, как она идет, Таечка, девочка... Какая чудная грация движений! Тут и нежность, и угловатость, и подростковая неловкость от того, что

ВЕРА КОЛОЧКОВА

чувствует на себе его взгляд... А как прелестно косолапит, ступая босой ногой на теплую плитку! Нет, это невыносимо, в конце концов. Сердце плавится избытком счастья, тает, как свеча. Таечка моя, Таечка. Сердце тает от Таечки...

Оп! Нырнула рыбка в бассейн, поплыла. И впрямь косточка рыба — тонкая и гибкая, будто насквозь просвеченная солнцем. Волосы мокрые прилипли к щекам, убрала их быстрым небрежным жестом. Да и волосы у нее тоже необыкновенные — природная платина, редкий оттенок. И на ощупь нежные и гладкие. За что, за что ему такое счастье, господи? Наверное, бывают минуты, когда с приступом счастья труднее справиться, чем с несчастьем.

Мужчина вздохнул, грузно перекинул ногу на ногу. И вдруг увидел себя со стороны — сидит пузатое чудовище, пускает слюни в сторону бассейна, где плещется юная белорыбица, совсем голову потерял. Давно надо было на диету сесть и спортом заняться! Понятно, что все свободное время бизнес отнимает, но теперь, когда Таечка рядом... А впрочем, ладно. И так сойдет. И не такое уж он чудовище, если по большому счету. Голова, конечно, седая, но не лысая же! И вообще, не пристало в его возрасте голодом себя морить да по тренажерным залам скакать. А живот можно в себя втянуть, если постарать-

Умягчение злых сердец

ся. А может, и этого не надо. Говорят, в поздней мужской зрелости есть своя прелесть, тем более в зрелости ранней он был красавцем. А качество никуда не исчезает, оно перерастает в другое качество, гордо именуемое солидностью. Ничего, ничего... Найдется еще порох в пороховницах, на ближайшие годы для счастья хватит. И деньги найдутся, и порох...

Мужчина прикрыл глаза, недовольно дернул уголком рта. Надо же, каким киселем поплыл, уже и внешностью озаботился! Смешно! Это он-то, Филипп Рогов, которого каждая собака в этом городке боится! А все Таечка... Девочка-рыбка...

Со стороны дома уже поспешала Татьяна, держа на вытянутых руках поднос. Лицо ее было равнодушным и сосредоточенным. Хорошая домработница, ни одного любопытного взгляда в сторону Таечки себе не позволила, ни одного лишнего вопроса не задала. Хотя могла бы... Привыкла ведь, наверное, что он бобылем живет. А тут раз — и юная хозяйка на голову свалилась. «Надо будет поговорить потом с Таечкой, научить, в какой тональности следует общаться с Татьяной. Чтоб никакой лишней демократии себе не позволила, только короткий приказ — принеси, подай, сделай. А по-другому никак...» — подумал Филипп.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Татьяна поставила поднос на низкий столик между шезлонгами, взяла в руки кофейник, собираясь разлить кофе по чашкам.

— Не надо, я сам... — небрежно махнул он рукой, не отрывая взгляда от бассейна. — Ты свободна, Татьяна. Иди.

Женщина распрямилась, молча пошла по дорожке к дому. Было в ее движениях что-то автоматическое, хотя и не без нотки достоинства; так прислуга в богатом доме несет в себе горделивое осознание сопричастности к хозяйскому богатству.

— Таечка, завтракать! — весело крикнул в сторону бассейна Филипп. — Хватит плескаться, вылезай! Кофе остынет!

Девушка оперлась руками о край бассейна, ловко вынесла из воды свое рыбе тельце, потрясла головой, отгоняя с лица мокрые белые прядки. Мужчина смотрел на нее завороченно, словно не хотел упустить ни одной, даже самой незначительной детали этого действия. Вот она еще раз тряхнула головой, вот провела по плечам, по животу ладонями, сгоняя с себя воду, вот пошла по дорожке, оскальзываясь на гладкой плитке мокрыми ступнями и неуклюже держа равновесие. Ближе к нему, ближе... Наконец плюхнулась в шезлонг, жадно припала губами к стакану с апельсиновым соком.

Умягчение злых сердец

А Филипп все смотрел на нее, забыв про кофе. Много чего было в этом взгляде — и обожание, и страсть, и неизбывная мука, и даже что-то звериное, стерегущее каждое движение своей драгоценной добычи. Вот «добыча» поставила на поднос пустой стакан, произнесла тихо, не глядя на него:

— Фил, у тебя мобильник...

— Что, Таечка?

— Мобильник давно надрывается.

— Да? Да, конечно. Как это я не услышал! Я с тобой рядом про все забываю. И как мило ты меня называешь — Фил... Мне нравится!

— Но ты же сам просил, чтобы я тебя так называла.

— Серьезно? А я не помню... погоди, сейчас на звонок отвечу.

Филипп наклонился, выудил мобильник из кармана махрового халата, небрежно брошенного на траву рядом с шезлонгом.

— Да, слушаю... Да, я Рогов Филипп Сергеевич. Документы готовы? Что ж, это замечательно. Да, я сегодня приеду, все подпишу. Когда? Часа через два... Или три... Да, до встречи. Отбой.

Он говорил резко, слегка раздраженно, хотя новости, в общем, были хорошие. Все идет по плану, как и следовало быть. Просто ему каза-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

лось, что деловые разговоры рядом с Таечкой были, ну... Не совсем уместны, что ли. Оскорбляли мучительное и прекрасное созерцание.

Тая смотрела на него сквозь ресницы, пока он говорил. Потом прижала к губам фалангу указательного пальца, свела к переносью белесые бровки. Чем-то озадачилась, стало быть.

— Что, Таечка? Что тебя так потревожило?

— Нет, ничего... Значит, я тоже буду Рогова, да? Когда мы распишемся?

— Конечно... А что не так? Тебе фамилия моя не нравится?

— Да нет... Мне все равно, в общем. Пусть будет Рогова.

Девушка улыбнулась, отвела взгляд. Казалось, все ее внимание сосредоточилось на солнечных бликах, играющих голубой водой бассейна. Филипп налил себе кофе, глотнул, недовольно дернул уголком рта. Кофе был едва теплым.

Филипп Рогов терпеть не мог теплого кофе. Как не мог терпеть всего, что являлось поводом для досады. И само чувство досады терпеть не мог. Но рядом с Таечкой... Пусть. И кофе может быть едва теплым. Да пусть даже холодным — не важно. А недовольство пришло из той жизни, в которой не было рядом Таечки. То есть она была, но... Не рядом.

Умягчение злых сердец

Вдруг Таечка повернула в его сторону голову, спросила резко:

— А моя мама тоже в бассейне купалась, да?

Рука от неожиданности дрогнула, кофе выплеснулся на пальцы. Филипп медленно потянул руку с чашкой к подносу, будто специально тянул время, потом долго и тщательно протирал пальцы салфеткой. Наконец ответил ровным тихим голосом:

— Тогда бассейна еще не было, Таечка.

Она должна была услышать его тихое недовольство. Но не услышала. Или не захотела услышать. Взгляд ее был хоть и пуглив, но упрям.

— Фил... Ты мне никогда не рассказывал, как мама умерла...

Недовольство в глазах мужчины плеснулось уже более основательно, хотя голос по-прежнему звучал нежно, с теми же подобострастными нотками:

— Таечка, но что я должен рассказывать? Ты же сама все прекрасно знаешь... Твоя мама была больна, умерла от сердечного приступа. Что же делать, Таечка, никто не виноват, это судьба. И вообще, мы с тобой много раз это обсуждали.

— Это ты обсуждал. Я не обсуждала.

— ...И обо всем договорились, помнишь? Мама там, на небе, радуется за тебя. За нас...

— За нас?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну да. Я очень люблю тебя, я сделаю тебя счастливой... Каждая мать хочет счастья своей дочери.

— Да, я понимаю, Филипп. А только... Если бы мама была жива? Как бы она отнеслась к нашим... К нашей скорой свадьбе?

— Не знаю, Таечка. В вопросах жизни и смерти не существует сослагательного наклонения. Мне кажется, ты задаешь глупые и нелепые вопросы.

— Почему глупые и нелепые?

— Потому что мамы больше нет... Давно нет... И я не хочу, чтобы ты на этом зацикливалась. Потому что это и для тебя неправильно, и для мамы... Отпусти маму, не думай о ней.

— Но я не могу...

— Тая! Что с тобой, девочка моя? Нет, я понимаю, если бы мама недавно умерла... Но десять лет прошло! И ты уже не ребенок! Не ожидал от тебя.

— Не сердись, Филипп. Извини, я больше не буду.

Тая отвела глаза, обхватила себя руками за плечи, поежилась. Потом, будто преодолевая внутреннее смятение, быстро проговорила:

— Я больше не буду, Филипп, правда! Ты только расскажи, как она умерла. Вернее, где она умерла. В какой комнате... Я должна

Умягчение злых сердец

знать. Не понимаю почему, но мне это важно... В спальне? В гостиной? В твоём кабинете? Где, Филипп?

Рогов молча поднялся, накинул на плечи халат. Может, слишком поспешно поднялся, и сам увидел со стороны эту трусоватую поспешность, и разозлился на себя, и с трудом закамуфлировал злость крайне озабоченной интонацией голоса:

— Извини, Таечка, но я должен уехать... А ты привыкай тут, осваивайся. Помни, что это твой дом, отныне ты здесь хозяйка.

— Хорошо... — вяло улыбнулась Таечка, от-
вернувшись.

— Не грусти, я ненадолго... После обеда вернуться. А может, и к обеду успею.

— А можно я с тобой?

— Я еду по делам.

— Ну и что? Ты будешь делами заниматься, а я просто по городу погуляю.

— Это плохая затея, Таечка. Тем более день будет очень жарким. Пыль, духота... Но если тебе очень хочется прогуляться... Давай в другой раз, договорились?

— Хорошо, в другой раз. Но мне правда очень хочется посмотреть на город.

— В этом городе нет ничего интересного, уверяю тебя.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, наверное. Но здесь жила моя мама... Как ты думаешь, ее кто-нибудь помнит? Она ведь здесь выросла, школу окончила... Были же у нее какие-то одноклассники, знакомые.

— Вряд ли кто-то ее здесь помнит, милая. Столько времени прошло. Тем более и спросить не у кого. Я не знаю ни одной подруги твоей мамы. А может, никаких подруг у нее и не было. Ни подруг, ни знакомых, ни родственников.

— Так не бывает, Филипп.

— Бывает. Она ведь была сирота, ее бабушка вырастила. Но бабушка давно умерла... Ты и не помнишь ее, наверное.

— Почему же? Я помню бабушку, только очень смутно. Скажи, Филипп... А ты маму любил?

— Таечка, Таечка... Не надо мучить вопросами ни себя, ни меня. Я должен ехать, времени нет ни минуты. И я очень прошу — не спрашивай больше про маму, хорошо? Ты уже не ребенок, должна понимать... Мне тяжело отвечать на твои вопросы. И тебе тяжело.

— Да, я понимаю. Тебе тяжело, мне тяжело. И все же...

— Все, Таечка, все! Мамы давно нет. А мы есть. И мы в этом не виноваты. Твоя мама очень хотела, чтобы ты была счастлива. И ты будешь счастлива. Я все сделаю для этого, доверься мне.

Умягчение злых сердец

Просто — доверься, ничего более. Ты меня услышала, Таечка?

Последний вопрос прозвучал с легким, но все-таки ощутимым нажимом, и девушка невольно втянула голову в плечи, глянула на Филиппа испуганно. Видимо, ей была знакома природа легкого, но ощутимого нажима в голосе этого мужчины.

— Да, я тебя услышала, Филипп, — произнесла она с тихой покорностью.

Рогов ничего не ответил, быстро пошел прочь, придерживая на груди халат. Через полчаса, свежевыбритый и одетый в светлый льняной костюм, он уже сидел в машине на месте рядом с водителем, крупным бритоголовым детиной неопределенного возраста.

— Привет, Клим.

— Доброе утро, Филипп Сергеич. Куда едем?

— В администрацию.

— Понял...

Первые три минуты ехали молча. Рогов смотрел в окно на примелькавшийся и давно поднадоевший пасторальный пейзажик. Но надо отдать пейзажику должное — очень был симпатичный, хоть картину с него пиши. А что? Вполне... Вот она, милая природная пастораль, выдержанная в лучших традициях среднерус-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ской возвышенности с ее широколиственными лесами, мощными черноземами и характерными, если уж полностью соблюсти географический официоз, континентально климатическими условиями. Вон там, за небольшим оврагом, будет дубовая прелестная рощица, потом дорога пойдет по холму, откуда мелькнет стеклянным изгибом речка, потом покажутся вдаль первые городские строения. Да, когда-то он сам выбирал место для своей усадьбы. Тщательно выбирал. Так, чтобы не в городе, чтобы не дышать его плебейской пылью, но и чтобы город был недалеко, на расстоянии пешей доступности. Раньше и впрямь позволял себе в охотку пройти, размять ноги, подышать полной грудью. Что такое для крепкого здорового мужика семь километров? Сплошное удовольствие — походя отмахать. Раньше вообще все было по-другому. Не было этих тяжелых оков, этой мучительной и счастливой неволи. Этого страха дурацкого не было.

— Хм, одноклассники... Почему вдруг?.. Зачем?.. — тихо пробормотал Рогов себе под нос, вспоминая давешний разговор с Таей.

— Что, Филипп Сергеич? — с готовностью переспросил Клим, чуть повернув голову и не отрывая взгляда от дороги.